

Су Чэ закончил говорить, и в ту же секунду из горла Ань Циюаня вырвался низкий, холодный смешок.

С этим звуком несколько настенных светильников в глубине комнаты призрачно вспыхнули. В неверном свете свечей Су Чэ наконец смог разглядеть мужчину, стоявшего к нему вплотную.

Даже несмотря на то, что его подбородок зарос густой щетиной, а длинные волосы спутались от долгого отсутствия ухода, даже в рваных черных одеждах, небрежно наброшенных на завидно крепкое, почти совершенное тело, этот человек не утратил своей дикой, подавляющей ауры.

Су Чэ до сих пор не мог понять, как в мире совершенствования, где право голоса имеет лишь абсолютная сила, Ань Циюань, будучи тогда на пике Превращения в Божество, умудрялся смотреть на него с такой неприкрытой, наглой жаждой.

Возможно, единственным объяснением было то, что этот человек родился с врожденным отсутствием всякого уважения к окружающим. Су Чэ еще давным-давно пришел к выводу, что в этом мире вряд ли найдется кто-то, кому путь демонического культиватора подходил бы больше, чем Ань Циюаню.

Вид этого старого знакомого на мгновение заставил Су Чэ отвлечься.

Но Ань Циюань не дал ему времени на раздумья. Одним резким движением он рванул белые одежды Су Чэ, с треском разрывая ткань на груди. Звук рвущейся материи был негромким, но для Су Чэ он прозвучал оглушительно.

— Ты!

Разорванная одежда сползла, обнажая левую сторону груди. К счастью, Ань Циюань остановился на уровне пояса, и хотя кожа на животе ощутила неприятный холод, остальное тело оставалось скрытым.

Не успел Су Чэ опомниться, как в плечо вонзилась острая, пронзительная боль. В мгновение ока трехгранный шип глубоко вошел в его плоть.

Лицо Су Чэ, и без того бледное, исказилось от муки. Но Ань Циюань не собирался на этом останавливаться — он намеренно медленно провернул шип внутри раны.

— Угх...

Су Чэ не смог сдержать болезненного стога. Из раны хлынула горячая кровь, стекая по белой груди и пропитывая ткань, оставшуюся на поясе. Запах свежей крови ударил в нос. Су Чэ так давно не получал подобных ран, что даже от вида собственной крови его начало мутить.

— Ты говоришь, что ты — Су Чэ? — Ань Циюань, продолжая вращать шип, медленно приблизился к его лицу. — Если уж так сильно хотел притвориться им, то должен был нанести себе этот шрам заранее.

С этими словами он резко выдернул шип. Без преграды кровь хлынула еще сильнее. От потери крови сознание Су Чэ начало стремительно меркнуть.

Ань Циюань похлопал его по покрытому холодным потом лицу:

— Разве ты не знаешь? Когда мы с Су Чэ были на стадии Формирования Ядра, мы участвовали в турнире секты. Тогда я пронзил его именно этим шипом, и с тех пор у него на этом месте остался шрам.

Сознание Су Чэ было затуманено, но упоминание Ань Циюаня всколыхнуло воспоминания о поединке, который состоялся несколько десятилетий назад.

Хотя формально бои на турнире должны были проходить без причинения тяжкого вреда, Ань Циюань, видимо, был в отвратительном настроении. Он вышел на арену с мрачным лицом и, не дожидаясь сигнала судьи, перешел в яростную атаку.

Су Чэ, застигнутый врасплох, сначала оказался в обороне. Ань Циюань воспользовался этим и, когда Су Чэ поднял меч для защиты, сам бросился на клинок. Су Чэ не ожидал такого безумного хода, и в этот момент Ань Циюань вонзил трехгранный шип ему в плечо. В то же время он влил в тело Су Чэ свою демоническую энергию.

Хотя позже Су Чэ удалось сбросить Ань Циюаня с арены, рана заживала очень долго из-за того, что демоническая энергия конфликтовала с его духовной силой. После заживления остался рубец, формой напоминающий цветок баугинии. Со временем он побледнел, и если не присматриваться, его почти не было видно. Если бы Ань Циюань не напомнил, Су Чэ и сам почти забыл об этом.

Су Чэ тяжело дышал, опустив голову.

Неизвестно, вызвал ли этот полуживой вид Су Чэ беспокойство у Ду Яо, который наблюдал за всем со стороны, но если бы с этим Цин Янем что-то случилось, Ань Циюань мог окончательно сойти с ума, а Долина Без Прощения — рухнуть.

Ду Яо, рискуя собой, применил заклинание, чтобы прорвать запрет молчания, наложенный Ань Циюанем. Но поскольку Ду Яо находился лишь на стадии Зарождающейся Души, а заклятие наложил культиватор на пике Превращения в Божество, откат ударил по нему со страшной силой.

Как и ожидалось, как только запрет пал, горло Ду Яо залило кровью. Он едва мог говорить,

каждое слово отдавалось болью, будто тысячи игл вонзались в гортань.

— Господин... — голос Ду Яо стал хриплым, как у сломанного кузнечного меха. Но раз уж он начал лгать, пришлось продолжать. — Это действительно не физическое тело господина Су, но внутри... внутри находится его божественное сознание.

Услышав это, Ань Циюань изменился в лице. Но, будучи человеком глубоко подозрительным, как и любой другой мастер демонического пути, он не спешил верить на слово.

Схватив Су Чэ за подбородок, он спросил:

— Ду Яо говорит правду?

Су Чэ был на грани потери сознания, его веки тяжело опустились. Ответить он был не в силах.

Ань Циюань проигнорировал его состояние и продолжил давить:

— В том бою я ранил Су Чэ, но и сам получил ранение. Если назовешь место моей раны, я поверю, что ты — Су Чэ.

Су Чэ слышал каждое слово, хотя черты лица мужчины перед ним расплывались. В памяти всплыл тот давний поединок. Ань Циюань тогда сам подставился под удар. Су Чэ держал меч в правой руке, и хотя Ань Циюань намеревался ранить его, он не собирался погибать. Меч прошел через левый бок Ань Циюаня, чудом не задев жизненно важные органы.

Ответ был очевиден: у Ань Циюаня остались две раны на левом боку.

Су Чэ знал ответ, но не спешил его произносить. Сильная боль затуманивала разум, но он понимал одно: если он подтвердит свою личность, то спасет жизнь, но навсегда станет золотой птичкой в клетке, лишившись всякого достоинства. Если же промолчит — умрет здесь и сейчас.

Су Чэ, не колеблясь, выбрал второе.

— Я... не... знаю...

Перед тем как окончательно провалиться в темноту, он с трудом приоткрыл тяжелые веки и взглянул на Ань Циюаня. Внезапно он вспомнил, что Ань Циюань был на шесть или семь лет младше него, но уже достиг пика Превращения в Божество.

Справедливости ради, даже если Су Чэ считали гением, Ань Циюань был гением среди гениев.

К тому же, Су Чэ уже давно пал, а у Ань Циюаня впереди была бесконечность возможностей.

Осознав это, Су Чэ, лишенный защиты своих духовных практик, ощутил толику зависти, присущую лишь обычным смертным.

Этот наглый мальчишка... — подумал про себя Су Чэ. — Не дожدهшься, чтобы все было по-твоему. По крайней мере, я умру достойно, чем стану твоей забавой в клетке.

В этот миг Су Чэ стало легко. Страх, сковывавший его, исчез. Он закрыл глаза и позволил себе погрузиться в абсолютный хаос тьмы.

<http://bllate.org/book/20774/2084325>